

Сцена из спектакля «Анна Каренина», Театр-Театр

тем же путём. Конечно, такой морфологический параллелизм неслучаен.

Комиксы прочно обосновались в массовой культуре ещё в XIX веке, но кино и театр не часто припадали к этим источникам. Если в кино какие-то попытки и были, то в театре — почти никогда. Золотарь в этом способе рассказа, на мой взгляд, во многом новатор. А Стоппард с Райтом создали в этом ключе и просто шедевр: внутри их «картинок» не только существует осмысленный сюжет, но и возникают мощные чувственные связи.

Фильм перенасыщен реминисценциями. Огромное наслаждение считать намёки на полотна Венецианова, работы Лансере, других русских художников, которые так щедро процитированы там. Улавливать в музыке Маринелли темы русской музыкальной классики. И всё сделано так тонко, красиво, вкусно...

Действие в английской «Анне» происходит внутри театра. Это не реальная, а выдуманная театральная жизнь, где

каждая мелочь играет. Например, Китти приходит на бал. Она появляется откуда-то из закулисья, как будто бы пространство театрального зала превращено в бальный зал. У входа — два лакея. У одного штаны безупречно подтянуты, у другого — нарочито нет. Не заметить это невозможно. «Фирменный» стиль этого кино определяют невероятно остроумные, ироничные и точные детали.

Фильм я смотрел с детьми. Обсуждали мы его потом несколько дней. Моя жена Ира (она кино не видела), заинтригованная нашими бурными эмоциями, тоже поспешила сходить на «Анну». Но моих восторгов не разделила. Я тогда ещё подумал: «Наверное, я преувеличил его достоинства. Интересно, если посмотреть «Анну Каренину» второй раз, то вызовет ли у меня эта история снова такой же восторг?» Было опасение, что нет. Ведь я уже оценил этот невероятный ход, придуманный и блестяще воплощённый его создателями. Чего ещё ждать?

Но я рискнул. Я пошёл на «Анну» второй раз и чуть не умер от счастья. Оказалось, что, когда ты всё уже знаешь про течение фильма и тебе не надо следить за его поворотами, ты попадаешь в совершенно потрясающий мир, который ведёт тебя какими-то своими путями к чувственному пониманию того, что есть для мировой культуры Толстой и его «Анна Каренина».

Основной персонаж Толстого, как бозон Хиггса, всегда находится за чертой мыслимого. Его феномен возникает в движениях, переплетениях и взаимодействиях всего, что есть в романе: всех его слов и мыслей, ощущений и переживаний, знаков и звуков, пустот и длиннот...

Чтобы помыслить Анну, мне надо было посмотреть картину второй раз. Теперь я понимаю, что с удовольствием посмотрел бы этот фильм и в третий раз, потому что это кино — бесконечный источник смыслов. При всей своей простоте он сложен. При всей своей сложности — прост.